

**МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ)**

История как наука «в идеале» должна представлять собой описание и осмысление исторических событий, основанное на стремлении историков максимально объективно подойти ко всем имеющимся источникам и фактам. Однако в реальности все сложнее. Еще в I в. до н.э. знаменитый римский историк Корнелий Тацит отмечал, что при жизни императоров их обычно лживо превозносят, а после смерти сурово поносят. Историю же, по его мнению, надо писать «*sine ira et studio*», т.е. «без гнева и пристрастия» (впрочем, сам он тоже не смог удержать себя в этих рамках, когда ему пришлось описывать разгул террора при императоре Нероне)¹. Однако проблема достоверности истории заключается не только в субъективности восприятия отдельных авторов, но и в том, что каждая эпоха, как правило, ищет и находит в историческом прошлом свои мифологизированные символы, которые используются отнюдь не в целях установления исторической истины. Историческое образование в таких условиях часто используется лишь как подкрепление господствующих (на данный момент) идеологических постулатов. Эта тенденция, как мы попытаемся показать, проявилась в преподавании даже такой, казалось бы, далекой от идеологии дисциплины, как античная история.

Россия, имеющая тысячелетнюю историю, многими нитями связана с античной культурой². Еще в I тыс. до н.э. в Причерноморье появились греческие города-колонии, оказавшие значительное влияние на развитие местных племен. Затем отнюдь не меньшее влияние в этом регионе имела прямая наследница Восточной Римской империи - Византия, из которой на Русь и пришло христианство. Весьма символично, что, согласно легенде, князь Владимир принял крещение в 988 г. на территории древнего Херсонеса Таврического. Многие традиции светской политической культуры тоже пришли из

¹ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. / Издание подготовили А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко. Пер. и комм. А.С. Бобовича. — Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. — Т. I. *Анналы*. Малые произведения. — С. 7, 272 - 326.

² Подробнее см., например: Кнабе Г.С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного населения в культуре России. — М.: РГГУ, 1999. — 240 с.

Византии. Не случайно после падения Константинополя Москва начинает позиционировать себя в роли «третьего Рима», т.е. как прямой продолжатель традиций античной и византийской государственности.

До эпохи Петра I античность в российском образовании изучалась преимущественно через призму богословского наследия античного и византийского христианства. Однако с XVIII по начало XX вв. наблюдалась постепенная «секуляризация» античной истории, происходившая во многом и под влиянием западноевропейской культуры. Античность теперь представляла нередко в элитарно-романтическом ореоле – не только как колыбель христианской цивилизации, но и как прекрасный исток всей европейской культуры (произведения Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского, А.А. Блока и др.). К концу этого периода изучение античности и древних языков становится обязательным атрибутом классического образования. Под руководством таких ученых, как М.С. Куторга, В.В. Латышев, И.М. Гревс и др. в университетах появляются серьезные научные школы отечественного антиковедения. При этом, однако, нужно отметить, что для основной массы населения России, оставшейся безграмотной, античные статуи и книги на древнегреческом и латинском языках оставались чуждыми элементами «господской культуры». Как справедливо отмечает Э.Д. Фролов, «по существу усвоение русским обществом традиций западного классицизма, а вместе с тем и формирование классического образования и науки об античности, было обусловлено западнически ориентированной политикой дома Романовых, начиная с Петра Великого. Соответственно надо учитывать и временное ограничение русского классицизма – от Петра до крушения дворянской империи в 1917 г. Ни до, ни после в России, отделенной от Запада тем или иным занавесом, не было надлежащих, благоприятных условий для развития классицистической культуры и спаянного с нею классического образования и науки»¹.

Отечественное антиковедение после 1917 г. понесло серьезные потери: некоторые известнейшие профессора вынуждены были эмигрировать из страны (М.И. Ростовцев, Ф.Ф. Зелинский и др.), некоторые остались и впоследствии прошли через лагеря (А.И. Доватур, А.Ф. Лосев и др.), а некоторые попытались подстроиться под новые идеологические установки (С.А. Жебелев, А.И. Тюменев, С.И.

¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — С. 6.

Ковалев и др.). Новые приоритеты были обозначены уже в работах В.И. Ленина: на первый план вышли темы классовой борьбы рабов против «эксплуататоров-рабовладельцев» (восстание Спартака и т.д.), а также элементы атеизма и «материалистической диалектики» у некоторых античных авторов (Демокрит, Лукреций Кар, Лукиан, Цельс и др.). С непосредственной подачи И.В. Сталина получила развитие теория о якобы имевшей место «революции рабов», которая «отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹. При этом в школах и университетах вплоть до середины 30-х гг. было прекращено преподавание античной истории, а многие центры христианского образования были уничтожены под флагом непримиримой борьбы с религией. Вместо этого через государственные образовательные учреждения начинает широко внедряться в массы марксистская интерпретация истории.

«Оттепель» принесла некоторые подвижки в этой сфере. Стало меньше идеологического диктата, и античность все чаще стали изучать более академично, как важный этап становления человеческой цивилизации. При этом, однако, оставалась определенная заданность в выборе научных тем: в приоритете оставались социально-экономические аспекты, рабство и социальные движения, а идеология и культура продолжали оставаться на втором плане. Постепенно возникают и развиваются серьезные научные школы антиковедения, причем не только в столицах, но и некоторых других городах страны (Воронеж, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Саратов и др.). Античность, несомненно, стали изучать все подробнее и глубже. История Древней Греции и Рима иногда превращалась даже в своеобразную «отдушину» для тех ученых-гуманитариев, которые тяготились партийным контролем и не желали начинать каждую свою научную статью с цитирования каких-либо слов генерального секретаря ЦК КПСС. Так, например, в дискуссиях антиковедов о лицемерии и демагогии императора Августа могло сквозить их отношение к гораздо более современным персонажам².

Необходимость в таком «эзоповом языке» отпала с началом «перестройки». Ученые получили возможность писать о том, что их

¹ См.: Чернышов Ю.Г. «Кто был ничем, тот станет всем» (к вопросу об идеологии восстаний рабов во II-I вв. до н.э.) // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества: Межвузовский сборник. — СПб.: изд. СПбГУ, 1995. — С. 155 - 166.

² См.: Елисеев Г.А. «Суд» над Октавианом Августом // Зеркало истории. Двадцать лет кружку истории древности и средневековья. — М. — б.и., 1992. — С. 30 - 31.

интересует, и сразу появилось немало работ (как «академических», так и научно-популярных), посвященных прежде «почти закрытым» темам – о военной истории, о демократических полисных традициях, о религиозной жизни, о политических идеологиях, о социальной утопии и т.д.¹ Создаются новые «деидеологизированные» учебники по истории Древней Греции и Рима. В 90-е годы стали появляться и разного рода гимназии и лицеи, в которых, как в дореволюционное время, стали обучать детей древним языкам и гораздо глубже знакомить с античной культурой. Развиваются и неформальные «горизонтальные» связи историков античности. Уже к 1991 г. в стране существовала Всероссийская ассоциация антиковедов, а также международный фонд Российско-эллинского духовного единства, главой попечительского совета которого был патриарх Алексей II.

Итак, за три эпохи (Российская Империя – СССР – современная Россия) рецепция античности и преподавание античной истории в нашей стране испытали серьезные метаморфозы. Предельно схематизируя, можно отметить, что для первой из этих эпох были характерны «христианизация» образа античности, а также постепенное распространение «секулярного» подхода к античности вглубь, но на довольно ограниченном, элитарном пространстве. Затем, после 1917 г., произошел слом сложившихся традиций. На первый план вышли атеизм и классовый подход, хотя в своеобразном «суррогатном» варианте античная история становится доступной гораздо более широкому массам. Наконец, в 90-е годы происходит освобождение античной истории от прежних идеологических догм, а также восстановление богословской традиции интерпретации античного наследия. Казалось бы, теперь уже были созданы все условия для распространения знаний об античности и «вглубь», и «вширь», однако мы не стали бы торопиться с такими выводами.

Современное гуманитарное образование в России переживает непростые времена. Прагматизм рынка ставит под вопрос востребованность «академических» знаний. На гуманитарных факультетах идет последовательное сокращение преподавательских ставок. При этом со стороны некоторых партийных политиков вновь раздаются голоса о необходимости введения идеологической цензуры – вплоть до введения уголовной ответственности за попытки

¹ Чиглинец Е.А. Рецепция античности в современной массовой культуре // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: Материалы международной научно-практической конференции, Казань, 22-23 ноября 2012 г. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. – С. 96 - 99.

«искажения истории» (правда, речь ведется в основном о новейшей, а не об античной истории)¹.

В целом остается в силе высказанное выше наблюдение, что каждая эпоха, как правило, ищет и находит в историческом прошлом нужные ей мифологизированные символы. В этом проявляется универсальная тенденция создания исторических мифов – упрощенных и эмоционально окрашенных нарративов, сводящих сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия схемам². Потребность политических режимов в таких мифах объективно обусловлена их стремлением к идеологическому обеспечению своей власти, обеспечению лояльности населения. Поэтому такие метаморфозы исторического образования, по-видимому, всегда будут происходить в разных странах, особенно при смене политических режимов.

¹ Миронов предложил ввести уголовную ответственность за искажение истории // РИА Новости. 15 мая 2017 г. – URL: <https://ria.ru/society/20170515/1494287490.html>

² Topolski J. The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. – 1999. – Vol. 38 (2). – P. 198 - 210.